

Дмитрий Дубровский

Hilary Pilkington, Elena Omel'chenko, and Al'bina Garifzianova. Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives. London: Routledge, 2010. 285 p. ISBN 978-0-4156-3456-4.

Дмитрий Дубровский. Адрес для переписки: факультет свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет, ул. Галерная, 58-60, офис 515, Санкт-Петербург, 190000, Россия. dubr@smolny.org.

Монография «Российские скинхеды: Изучение и переосмысление субкультурных жизней» написана по результатам исследования, проведенного в 2006–2007 годах при поддержке Европейского сообщества в рамках гранта «Общество и стили жизни: достижение социальной гармонизации через знание о субкультурных сообществах». В данном исследовании группа молодых людей, проживающих в Воркуте (на севере Республики Коми, за полярным кругом), впервые попавшая в поле зрения социологов еще в 2002–2003 годах в связи с социологическим исследованием наркопотребления, снова оказалась в центре case study, проведенного международной командой ученых.

В предисловии авторы указывают на основные методологические предпосылки своего исследования. Это, во-первых, «постсубкультурный» подход, который предполагает комплексное исследование молодежных «сцен» в их широком социокультурном контексте, включая географическую особость региона, политический, социальный и культурный ландшафт, а также создание и поддержание идентичности в рамках молодежных субкультур. Во-вторых, важным исследовательским термином тут является «групскула» – термин, введенный Роджером Грифффином. Обычно этот термин используется для обозначения небольших групп политических активистов, действующих в политике на грани дозволенного. В отличие от мелких политических организаций, групскулы не стремятся к политическому признанию, к открытым действиям. Напротив, они склонны функционировать как кружки единомышленников. Тем не менее исследования, подобные представленному в данной монографии, показывают, что групскулы не столь уж безобидны и малозначительны, например, по сравнению с радикальными политическими партиями. Необходимость и важность исследований такого рода связана с тем, что, как отмечает Джеффри Бейл, большинство современных неонацистских организаций относятся именно к групскулам.

Обеспечивая готовые доступные концепции относительно необходимости преобразования существующего миропорядка, эта субкультура может оказать формирующее влияние на эволюцию идеологии и политическую карьеру отдельных людей, стремящихся обрести «великий нарратив» и универсальную истину посредством превращения смутных обид и ненависти в убежденность в собственной великой миссии, направленной на то, чтобы «хоть что-то предпринять по этому поводу» (Bale 2002:47).

Это справедливо и для России, где, по-видимому, большая часть насильственных преступлений, совершаемых по мотивам расовой и религиозной розни, остается на совести именно неонацистских группускул, которые, в отличие от праворадикальных политических организаций и групп, трудно доступны для социологического изучения.

Структурно монография разбита на три большие части: «Взросление в жестком климате», «Что значит быть скинхедом?» и «Рефлексия об исследовательском процессе».

В первой главе, названной «Тяжесть Воркутинского неба: Помещение культурных идентичностей молодежи в местный контекст», рассматривается историко-географическая специфика Воркуты как особого места, которое, по мнению авторов, само по себе играет особую роль в становлении и развитии молодежных солидарностей. В следующей главе «Дома я был никем: Истоки и пределы солидарности скинхедов» одна из авторов – Елена Омельченко – обращает внимание на то, что нарративы повседневности вносят важный вклад в формирование солидарности скинхедов. Она показывает, как нормализация ксенофобного дискурса в среде родителей, родственников, коллег по техникуму или по работе способствует тому, что идентичность расиста становится вполне «нормальной».

Интересно, что большинство респондентов-скинхедов уже через несколько лет после проведенного исследования изменили свою жизненную траекторию так, что к 2009 году, году последнего визита исследователей, эта группа фактически перестала существовать. Это ставит вопрос, с одной стороны, о том, как долго могут существовать группускулы, с другой – кто унаследовал насильственные практики этой исчезнувшей группы, и можно ли сказать, что исчезновение группы связано в основном с взрослением ее участников?

Отчасти на этот вопрос отвечает Альбина Гарифзянова в следующей главе, озаглавленной «Совершенствование: Культурные интересы и стратегии» и посвященной исследованию культурных практик. Она отмечает, что участники группы, помимо общих интересов (например, спорта и музыки), вполне могли иметь разные другие пристрастия вне группы, однако и при изменении их дальнейших социальных траекторий их общая «скинхедская» идентичность, изменившись в своих репрезентациях, продолжала оставаться содержательно той же.

Вторая часть «Что значит быть скинхедом?» в целом характеризует политическую составляющую описываемой группускулы, роль политических акторов и правоконсервативной философии в появлении и конструировании этой солидарности в Воркуте. Рассматривая влияние общероссийского контекста, авторы обращают внимание на то, что исследуемая группа ближе всего по воззрениям к евразийцам (как историческим, так и современным, в лице Александра Дугина).

В исследовании праворадикальной среды общим местом является представление о том, что небольшие «группы ненависти» мало способны к политической организации в связи с довольно равнодушным отношением к дисциплине. Настоящее исследование дополняет это положение, показывая, что приверженность возведенным в абсолют ценностям и практикам солидарности группы настолько превалирует над логикой функционирования политиче-

ских организаций, что эпизодическое использование последних скинхедами носит лишь утилитарный характер.

Глава, озаглавленная «“Все скинхеды любят драться”: Ритуальное, расистское и символическое насилие» описывает формы и методы такого насилия, с оговоркой, что далеко не все случаи агрессии по расовым и этическим критериям вообще могли попасть в интервью. Тем не менее поразительное откровение одной из участниц группы об участии в расистском убийстве в Москве показывает ту роль, которую реальное преступное насилие играет в формировании идентичности скинхедов. В то же время обращают на себя внимание и методы символического насилия, постоянно используемого группой в своей активности, – от распечаток расистских листовок из интернета до запугивания представителей «нерусской» национальности.

В книге интересно проанализированы возникающие при конструировании скинхедской группускулы проблемы, связанные с гендерной идентичностью. Так, в главе «Больше не “при параде”: Стиль и перформанс скинхедов», Хилари Пилкингтон отмечает, что первоначальная одежда и ее стиль – подчеркнуто маскулинный, обращенный к ценностям рабочего класса – потеряли свое значение для скинхедов. Этот стиль стал узнаваемым как официальными органами, осуществляющими превенцию преступлений, так и потенциальными объектами нападения, и соответственно, стал непрактичным. К внутренним факторам, послужившим изменению традиционного «прикида», по-видимому, относится и разнообразие возможностей проявления идентичности внутри группускул, что делает их, с одной стороны, частью уникального в своем роде способа репрезентации данной группы, с другой – исключает возможность появления универсального, когда-то существовавшего стиля.

Глава «Гомосоциальность, маскулинность и тело», написанная Еленой Омельченко, исследует взаимоотношения между мужчинами в данной группускуле. Она иллюстрирует известный вывод Киммеля о том, что маскулинность сильно переплетена с гомосоциальностью (Kimmel 1996). Интервью лидеров группы показали, в частности, что для них маскулинность связана с нацистской эстетикой и предполагает нечувствительность к боли, демонстрацию обнаженного мускулистого тела как символа готовности к войне. Это тело, однако, асексуально и служит для демонстрации братского отношения друг к другу, которое находится под контролем лидера. Можно сказать даже, что маскулинность и идентичность скинхедов завязаны друг на друга так, что приоритетом в самопрезентации становится не «скинхед, которого все боятся», а «мужчина, которого все понимают».

Последняя, третья, часть названа «Рефлексия об исследовательском процессе». Учитывая специфичность поля, исследователи задаются вопросами этики, возможности исключить эмоции в процессе интервьюирования и отдельно выделяют проблему конструирования границ с исследуемой группой.

Заключение, озаглавленное «Солидарность в действии», подводит итоги этому уникальному исследованию. В конце книги авторы предлагают новое прочтение солидарности скинхедов, которая утверждает себя в повторяющемся перформансе. Эти перформансы могут меняться по значению и по своему выражению во

времени и пространстве, неизменным остается только чувство солидарности против гендерно, классово и этнически обозначенных «иных».

В завершение хочется высказать несколько соображений, связанных как с данным исследованием, так и с его возможным продолжением. Анализ феномена правого радикализма довольно давно носил характер преимущественно политологический; все немногие исключения из этого правила процитированы в книге (Тарасов, Лихачёв, Верховский, Шнирельман). Основной фокус исследовательского интереса лежал в области политического насилия или языка вражды, что понятно, учитывая, например, всю сложность и злободневность проблемы hate crime в современной ситуации. Книга «Российские скинхеды» уникальна тем, что в ней полностью развенчан миф о невозможности исследования правого радикализма социологическими методами из-за недоступности поля, а также миф о том, что столицы являются «рассадниками» неонацистской идеологии.

Конечно, такое серьезное исследование ставит новые исследовательские вопросы. Например, я бы назвал его, по аналогии с «участвующим наблюдением», наблюдением «безучастным» – в том смысле, что авторами исследования вообще не ставилась задача выведения участников из состава групп ненависти. Между тем, именно этическим вопросом исследования является вопрос о тех возможных позитивных изменениях, которые могут и должны нести с собой социологические исследования.

В то же время возникает вопрос о соотношении видов солидарности, описанных на примере уникального во многом региона – Воркуты, – с теми типами солидарности, которые функционируют в более изученной среде мегаполисов, таких как Санкт-Петербург и Москва.

И, наконец, частный, однако вполне очевидный вопрос заключается в соотношении практик молодежной солидарности, особенно в их насильственной форме, с традиционными фольклорными практиками. Можно ли сказать, что отказ от насильственных практик членов группускулы в связи с изменением их возраста и социального положения подозрительно напоминает избегание драк женатыми мужчинами в традиционной русской деревне?

Итак, остается заключить, что перед нами чрезвычайно удачное междисциплинарное исследование, без которого теперь представление о развитии и функционировании крайне правой сцены в России попросту немыслимо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bale, Jeffrey M. 2002. "National Revolutionary' Groupuscules and the Resurgence of 'Left-Wing' Fascism: The Case of France's Nouvelle Résistance." *Patterns of Prejudice* 36(3):24–49.
- Kimmel, Michael. 1996. *Manhood in America: A Cultural History*. New York: Free Press.